

Научная статья
УДК 811.1/8
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/54-59>

Японоязычные вкрапления в романах "Memoirs of a Geisha" и "Geisha of Gion" как вербализаторы асимметрии картин мира Японии и США

Анна Ильясовна МУХАМЕТОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, mukhametova.ai@dvf.u.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию японоязычных вкраплений в романах А. Голдена "Memoirs of a Geisha" и М. Ивасаки "Geisha of Gion" как репрезентантов асимметрии картин мира авторов. В произведении А. Голдена посредством японоязычных вкраплений вербализуются особенности восприятия японских реалий, опосредованные чужой культурой, в романе М. Ивасаки японоязычные единицы актуализируют родную культуру. В романе А. Голдена репрезентированы этностереотипы о гейшах, сформированные в западной культурно-когнитивной картине мира; в романе М. Ивасаки вербализованы традиционные японские ценности сохранения лица, семейные ценности, стойкость, достоинство.

Ключевые слова: японоязычные вкрапления, асимметрия картин мира, Япония, ценности, этностереотипы

Для цитирования: Мухаметова А.И. Японоязычные вкрапления в романах "Memoirs of a Geisha" и "Geisha of Gion" как вербализаторы асимметрии картин мира Японии и США // Известия Восточного института. 2022. № 3. С. 54–59. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/54-59>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/54-59>

Japanese-language inclusions in the novels "Memoirs of a Geisha" and "Geisha of Gion" as verbalizes of the asymmetry of the authors' worldviews

Anna I. MUKHAMETOVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, mukhametova.ai@dvf.u.ru

Abstract. The article is devoted to the research of the Japanese-language inclusions in the novels "Memoirs of a Geisha" by A. Golden and "Geisha of Gion" by M. Iwasaki as representatives of the asymmetry of the authors' worldviews. In the novel "Memoirs of a Geisha" peculiarities of the perception of the Japanese cultural units, affected by the strange culture, are verbalized through the means of the Japanese-language inclusions. In the novel "Geisha of Gion" the Japanese-language inclusions represent their native culture. Ethnostereotypes related to geisha which are formed in the Western cultural-cognitive worldview are represented in the novel by A. Golden, whereas in the novel by M. Iwasaki such traditional Japanese values as living with dignity, family values, strength are verbalized.

Keywords: Japanese-language inclusions, worldviews asymmetry, Japan, values, ethnostereotypes

For citation: Mukhametova A.I. Japanese-language inclusions in the novels "Memoirs of a Geisha" and "Geisha of Gion" as verbalizes of the asymmetry of the authors' worldviews // Oriental Institute Journal. 2022. № 3. P. 54–59. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-3/54-59>

Язык, как инструмент для фиксации, аккумуляции и передачи важнейших результатов когнитивной деятельности человека, несёт в себе отпечатки культуры, в которой он функционирует. В настоящее время, характеризующееся тенденцией к глобализации общества, культуры и языка подвержены активному взаимодействию и взаимопроникновению. Поскольку язык, культура и мышление неразрывны [14; 15; 2; 3; 7; 8; 11], можно говорить о взаимодействии индивидуальных характеристик представителей разных культур [17], "взаимодействии говорящих сознаний" [5, с. 23], передаче элементов картин мира друг другу [9] языковыми средствами. В процессе вербальной коммуникации значимыми единицами языка для передачи когнитивных особенностей индивида, принадлежащего к тому или иному культурному социуму, выступают слова, словосочетания, фразы, предложения. Единицы разных языковых уровней являются эффективным инструментарием для взаимодействия культурно-когнитивных картин мира. Под

культурно-когнитивной картиной мира мы понимаем комплекс представлений того или иного социума о себе и других, сформированных в процессе мышления и детерминированных культурным окружением, репрезентированных в коллективном и индивидуальном сознании представителей этого социума, инструментом для передачи которых выступает язык [6; 14; 12; 2].

Процесс межкультурной коммуникации неизбежно влечёт за собой феномен языковых заимствований. Переход иностранных слов и словосочетаний в словарный фонд другого языка или просто в речевой обиход представителей другой культуры является неизбежным последствием исторического развития языковой системы [6; 9]. Так, на определённом этапе взаимодействия языков и культур формируется новый лексический пласт – заимствования. Наряду с иноязычными лексическими единицами заимствуются и элементы культуры, которые расширяют сознание носителей языка-реципиента, привнося в него новые ценностные смыслы. С другой стороны, принимающая культура наполняет заимствованные языковые единицы своими ценностными установками, адаптируя их под свою культурную реальность и особенности мышления. Таким образом, процесс заимствования является двусторонним процессом по отношению к иностранным единицам языка.

Целью нашего исследования является определение различий в функционировании японоязычных вкраплений в текстах англоязычных романов А. Голдена "Memoirs of a Geisha" и М. Ивасаки "Geisha of Gion".

Поставленная цель обуславливает постановку следующих задач:

- определить механизмы ввода японоязычных вкраплений в ткань обоих текстов;
- классифицировать японоязычные вкрапления по тематическому критерию;
- определить функции японоязычных вкраплений в обоих произведениях;
- выявить асимметрию культурно-когнитивных картин мира авторов обоих романов.

Методология исследования представляет собой междисциплинарное сочетание лингвокультурного, лингвокогнитивного и лингвоаксиологического подходов.

Методы исследования включают количественный, сопоставительный, концептуальный и контекстуальный анализ.

В результате количественного анализа было выявлено, что большинство японоязычных вкраплений в романах А. Голдена и М. Ивасаки представлены отдельными лексемами. Применительно к данному исследованию мы трактуем японоязычные вкрапления как широкую категорию, вбирающую в себя лексические единицы японского языка разного уровня усвоенности в английском языке, независимо от стилистической окраски, сферы использования и т.д. (экзотизмы, варваризмы, алиенизмы, ксенизмы и др. [9; 13; 1; 10]), переданные в англоязычном тексте посредством транслитерации.

Сопоставительный анализ японоязычных вкраплений в исследуемых романах обнаружил, что большинство японоязычных вкраплений в обоих произведениях подчинены цели объективации концепта "geisha", однако его внутренняя структура в обоих текстах обнаруживает значительные расхождения.

Такое различие обусловлено асимметрией культурно-когнитивных картин мира авторов, их разновекторным аксиоцентризмом, под которым мы понимаем главенствующую роль ценностных установок, сформированных в родной культуре автора и опосредующих его языковую репрезентацию тех или иных предметов и явлений окружающего мира.

Докажем выдвинутое положение на конкретных примерах из обоих романов. Проанализируем текстовые отрывки, содержащие японоязычные вкрапления из тематической подгруппы "причёски":

1) "I went to the hairdresser and had my hair done up in the *wareshinobu* style, the first hairstyle a *maiko* wears. The hair is swept up and sculpted by red silk bands (*kanoko*)

front and back and decorated with *kanzashi*, the stick-pin ornaments so distinctive of the *karyukai* look" [18, p. 157–158] / "В парикмахерской мне сделали причёску в стиле варэшинобу, какую носят майко. Волосы собираются на затылке, закрепляются спереди и сзади красными шёлковыми лентами (каноко) и украшаются канзаши, шпильками, характерными для стиля карюкай" (здесь и далее перевод автора статьи, Мухаметовой А.И.).

2) "Pumpkin left the *okiya* <... > wearing the hairstyle of a young geisha – the so-called *tomoware*, meaning "split peach". When I took my first look at her <...> I felt sick with disappointment and jealousy. <...> With her hair swept back in an orb so beautifully <...> she looked very much like a young woman. <...> I had envied the older girls who wore their hair so elegantly" [16, p. 173]. / "Тыковка вышла из окии <...> с причёской юной гейши – так называемой момоваре, что значит "разломленный персик". С первого взгляда на неё <...> мне поплохело от разочарования и зависти. <...> С красиво собранными вокруг волосами <...> она выглядела прямо как молодая женщина. <...> Я всегда завидовала старшим девочкам, которые носили такие элегантные причёски".

Очевидна разница на вербально-семантическом уровне – в примере из романа носителя японского языка и культуры М. Ивасаки наблюдается обилие японоязычных вкраплений (5 единиц – *wareshinobu* (стиль причёски), *maiko* (девушка танца), *kanoko* (шёлковые ленты), *kanzashi* (шпильки для волос), *karyukai* (район гейш), что способствует детальной документализации описываемой реалии. Англоязычное лексическое окружение в виде глаголов "sculpt" ("лепить") и "decorate" ("украшать"), а также словосочетание "red silk bands" ("красные шёлковые банты") дают читателю возможность визуально и тактильно воспринять предмет повествования.

С другой стороны, в текстовом отрывке из произведения американского автора А. Голдена употребляется всего одно японоязычное вкрапление – *tomoware*, которое вкрупне с англоязычным окружением ("disappointment" ("разочарование"), "envied" ("завидовала"), "jealousy" ("зависть"), "elegantly" ("элегантно"), "beautifully" ("красиво") способствует передаче эмоционального состояния героини, что коррелирует с функцией фасцинации, то есть акцентуации на художественном мире писателя.

Далее нетождественность культурно-когнитивных картин мира авторов романов прослеживается в функционировании японоязычных вкраплений из тематической подгруппы "музыка":

1) I began to take calligraphy lessons <...> *koto*, singing, and *shamisen* lessons from his daughter, who was a master of a form of *jiuta* important to the Inoue School. The *koto* and *shamisen* are both stringed instruments that came to Japan from China. The *koto* is a large thirteen-stringed lute that rests on the floor when played. The *shamisen* is a smaller three-stringed instrument that is played like a viola" [18, p. 82–83] / "Я начала обучаться каллиграфии <...> игре на кото, сямисене и пению у его дочери, которая была профессионалом в джиута, что важно в школе Иноуэ. Кото и сямисен – струнные инструменты, привезённые в Японию из Китая. Кото – большая тринадцатиструнная лютня, которая при игре располагается на полу. Сямисен – инструмент поменьше, в три струны, на котором играют как на альте".

2) "<...> a gentle-looking old man who turned out to be the *koto* player Tachibana Zensaku, whose scratchy old records I still own" [16, p. 375] / "<...> благородный пожилой человек, который оказался Тачибана Зенсаку – музыкантом, играющим на кото, чьи скрипучие от старости пластинки я храню до сих пор"; "<...> Tachibana, the old *koto* player <...>" [16, p. 377] / "<...> Тачибана, пожилой музыкант, играющий на кото <...>".

В представленных примерах наблюдается превосходство японской писательницы над американским автором в вербально-семантическом аспекте, что обусловлено асимметрией их культурно-когнитивных картин мира. Как носитель культуры, М. Ивасаки использует большее количество японоязычных лексем (3 уникальные единицы – *koto*, *shamisen* (музыкальные инструменты), *jiuta* (стиль

музыки), протоколирую родные культурные реалии и вербализуя духовные ценности семейных уз, профессионализм. Помимо того, что М. Ивасаки представляет фактуальную информацию о музыкальных инструментах, описывая их внешний облик ("large thirteen-stringed lute" – "тринадцатиструнная лютия"; "a smaller three-stringed instrument" – "меньший трёхструнный инструмент"; "like a viola" – "как альт"), она также делает отсылку к истокам Восточной цивилизации, упоминая о том, что инструменты были привезены в Японию из Китая. Следует отметить, что музыкальный инструмент кото наделяется автором особым ценностным смыслом, поскольку традиция игры на нём берёт своё начало у истоков одного из самых влиятельных японских родов – Фудзивара, из которого и происходит сама М. Ивасаки, о чём она также упоминает в своём романе [18, p. 3].

Напротив, в примере из романа А. Голдена отсутствует ценностная и фактуальная информация, непосредственно связанная с музыкальным инструментом. Автор делает акцент на описании персонажа, одну из характеристик которого вербализует японоязычное вкрапление *koto*. Языковые единицы "gentle-looking" (дословно "благородно выглядящий"), "old" ("старый") представляют собой поверхностные оценочные суждения, а лексемы "records" (здесь "пластинки") и "player" (здесь "музыкант") позволяют категоризировать японоязычное вкрапление *koto* как музыкальный инструмент.

Примером японоязычного вкрапления, вербализующего глубинные аксиологические смыслы японской культуры, может выступать лексема *samurai* из романа М. Ивасаки: "My father had two favourite sayings. One was a kind of proverb that says a *samurai* must keep to a higher standard than the common man. Even if he has nothing to eat, he pretends that he has plenty, meaning that a *samurai* never lets go of his pride. But he also used it to mean that a warrior never betrays weakness in the face of adversity [18, p. 20]. / "У моего папы было два любимых выражения. Одно из них было вроде поговорки, в которой говорилось, что самурай должен придерживаться более высокого стандарта, чем обычный человек. Даже если ему нечего есть, он делает вид, что еды у него много, это значит, самурай никогда не уронит своей гордости. Также отец использовал эту поговорку для обозначения того, что воин никогда не покажет слабость перед бедствиями".

Очевидно, что данный пример достаточно объёмен. При употреблении японоязычного вкрапления в количестве одной единицы, писательница раскрывает его суть в трёх предложениях. М. Ивасаки описывает самурая как человека-воина с более высокими моральными установками, нежели у среднестатистического гражданина. Самурай – духовно сильный индивид, который не роняет достоинства ни при каких обстоятельствах. Таким образом, японоязычное вкрапление *samurai* в романе японской писательницы репрезентирует глубокую духовность, ценность сохранения лица, стойкость.

С другой стороны, в романе А. Голдена репрезентативными с точки зрения культурно-когнитивной картины мира автора, опосредованной его аксиоцентризмом, выступают японоязычные вкрапления из тематических подгрупп "удовольствие" (*ekubo* – рисовый пончик) и "ритуалы" (*mizuage* – выставление девственности на продажу): "<...> sweet-rice cake we call *ekubo*, which is the Japanese word for dimple. We call them *ekubo* because they have a dimple in the top with a tiny red circle in the center; some people think they look very suggestive <...> when an apprentice geisha becomes available for *mizuage*, she presents boxes of these *ekubo* to the men who patronize her [16, p. 272]. / "<...> сладкое рисовое пирожное, которые мы называем экубо, это японское слово для обозначения углубления. Мы называем их экубо, потому что у них наверху углубление с маленьким красным кружочком посередине; некоторые думают, это выглядит весьма вызывающе <...> когда начинающая гейша становится доступной для мидзуагэ, она дарит коробочки с этими экубо мужчинам, которые покровительствуют ей".

В представленном примере очевидна вербализация этностереотипа о гейше, представляющем её в качестве содержанки, о чём свидетельствует лексическое окружение японоязычных вкраплений – англоязычные прилагательные

"available" ("доступный"), "suggestive" ("вызывающий") и глагол "patronize" ("покровительствовать").

Стоит отметить, что японоязычное вкрапление *ekubo*, имеющее непристойную коннотацию в романе американского автора, отсутствует в произведении японской писательницы, тогда как японоязычное вкрапление *mizuage*, репрезентирующее в романе А. Голдена ритуал выставления девственности гейша на аукцион, употребляется в произведении М. Ивасаки в значении годового заработка гейши, не имеющего никаких намёков на интимные отношения с мужчинами.

Итак, в результате сопоставительного анализа японоязычных вкраплений в романах А. Голдена "Memoirs of a Geisha" и М. Ивасаки "Geisha of Gion" была выявлена разница в их функционировании, обусловленная асимметрией культурно-когнитивных картин мира авторов, их аксиоцентризмом.

В произведении этнической японки М. Ивасаки её родноязычные единицы функционируют в качестве документализаторов реалий японской культуры, тогда как в романе американского автора А. Голдена единицам японского языка в основном отводится роль фасцинации.

В романе М. Ивасаки посредством японоязычных вкраплений вербализованы традиционные японские ценностные смыслы, связанные с духовностью, гордостью за свой род, стойкостью, стремлением сохранить лицо, которые наполняют в произведении японской писательницы концепт "geisha". Напротив, в романе А. Голдена японоязычные вкрапления актуализируют этностереотипы, сформированные в родной для автора западной культурно-когнитивной картине мира, что делает концепт "geisha" в его произведении менее глубоким, лишённым оригинальных коннотационных оттенков, но наполненным оценочными суждениями и стереотипами.

Литература

1. Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1973. 191 с.
2. Вайсбергер Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 416 с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
5. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. 288 с.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
7. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
8. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М, 2000. 349 с.
9. Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. М.: Наука, 1996. С. 60–68.
10. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 149 с.
11. Николаева О.В. Куда дрейфует "Вака"? Новозеландская мультикультура в динамике взаимодействия картин мира: моногр. Владивосток: Изд-во Мор. гос. ун-та, 2010. С. 18–88.
12. Постовалова В.И., Серебrenников Б.А., Кубрякова Е.С. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 212 с.
13. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1967. 536 с.
14. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.
15. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып.1. / Под ред. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 135–168.
16. Golden A. *Memoirs of a Geisha*. L.: Vintage, 2005. 496 p.
17. Holmes J. *An introduction to sociolinguistics* (2nd ed.). London: Longman, 2001. 510 p.
18. Iwasaki M. *Geisha of Gion*. L.: Simon & Schuster, 2002. ix + 334 p.

References

1. Berkov V.P. Questions of bilingual lexicography. L.: Publishing house of Leningrad state university named after A.A. Zhdanov, 1973. 191 p. (In Russ.)
2. Weisberger L. Native language and the formation of the spirit /trans. and comment. O.A. Radchenko. M.: Editorial URSS, 2004. 232 p. (In Russ.)

3. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition. M., 1996. 416 p. (In Russ.)
4. Vlahov S., Florin S. Untranslatable in translation. M.: International relations, 1980. 343 p. (In Russ.)
5. Gudkov D.B. Theory and practice of intercultural communication. M., 2003. 288 p. (In Russ.)
6. Humboldt W. Language and philosophy of culture. M.: Progress, 1985. 451 p. (In Russ.)
7. Karasik V.I. Language keys. M.: Gnosis, 2009. 406 p. (In Russ.)
8. Kornilov O.A. Language pictures of the world as derivatives of national mentalities. M, 2000. 349 p. (In Russ.)
9. Leontiev A.A. Foreign-language inclusions in Russian speech // Issues of the culture of speech. M.: Nauka, 1996. P. 60–68. (In Russ.)
10. Lotte D. S. Issues of borrowing and ordering foreign terms and term elements. M.: Nauka, 1982. 149 p. (In Russ.)
11. Nikolaeva O.V. Where is the Waka drifting? New Zealand multicultural in the dynamics of the interaction of pictures of the world: monograph. Vladivostok: Maritime state university, 2010. P. 18–88. (In Russ.)
12. Postovalova V.I., Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S. The picture of the world in human life // The role of the human factor in the language: Language and picture of the world. M.: Nauka, 1988. 212 p. (In Russ.)
13. Reformatsky A. A. Introduction to linguistics. M.: Aspect Press, 1967. 536 p. (In Russ.)
14. Sapir E. Selected works on linguistics and cultural studies. M., 1993. 656 p. (In Russ.)
15. Whorf B. L. Relationship of norms of behavior and thinking to the language // New in linguistics. Issue 1. / Ed. V.A. Zvegintsev. M.: Inostr. lit., 1960. P. 135–168. (In Russ.)
16. Golden A. Memoirs of a Geisha. L.: Vintage, 2005. 496 p.
17. Holmes J. An introduction to sociolinguistics (2nd ed.). London: Longman, 2001. 510 p.
18. Iwasaki M. Geisha of Gion. L.: Simon & Schuster, 2002. ix + 334 p..

Анна Ильясовна МУХАМЕТОВА, старший преподаватель Академического департамента английского языка, Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, mukhametova.ai@dvfu.ru
Anna I. MUKHAMETOVA, Senior Lecturer, Academic Department of the English Language, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, mukhametova.ai@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 24.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 10.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2022